

ЭТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ФЕНОМЕНА СЕРДЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ

С. А. Калугина

Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье обосновывается идея о том, что этика сердца является главной типологической характеристикой русской философской традиции. Очерковый характер основных философских концепций XIX—XX вв. показывает, что феномен сердца находится в центре этических построений русских философов. Кроме того, утверждается, что этика сердца может быть продуктивной для современного гуманитарного и естественнонаучного дискурса, в том числе и для отечественного варианта биоэтики.

Ключевые слова: этика сердца, символика сердца, русская философия, антропология, биоэтика.

Abstract: The article is dedicated to the «ethics of heart» as the main feature of Russian philosophy. Description of the basic philosophical conceptions of XIX-XX century shows that phenomenon of heart is in the center of Russian moral philosophy. The article states the effectiveness of ethics of heart for modern humanitarian and scientific discourse, especially for Russian bioethics.

Key words: ethics of heart, symbolism of heart, Russian philosophy, anthropology, bioethics.

Современная гуманитарная мысль, преодолев недавний постмодернистский соблазн радикальной иронии, эклектики и нигилизма, стремится фундаментализировать себя на таких онтологических и аксиологических концептах, которые легитимизированы в традициях европейской философской классики. Данный поиск фундаментальных философских ценностей ведется в широком контексте гуманитарных исследований. Достаточно показательным в этом плане является работа ученых-лингвистов под руководством Н. Д. Арутюновой, занимающихся логическим анализом языка через исследование базовых концептов духовной культуры.

Особый интерес в этом контексте представляет сборник работ «Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного» (2004), в котором рассмотрена семантика эстетической оценки через лингвистическую призму. Н. Д. Арутюнова называет Истину, Добро и Красоту «триадой великих ценностей»: «Говоря о великой Триаде, возвышающей человека над прочими составляющими Вселенной, нельзя не обратить внимания на различие в их положении и даже значении в основных сферах духовной жизни человека: религии, науке (ментальном мире), искусстве» [1, 5].

Весь указанный сборник в целом и содержащиеся в нем размышления свидетельствуют о том, что интерес к классическим философским проблемам не только не исчезает в современной гуманитарной

науке вопреки постмодернистским прогнозам, но наоборот, становится важным и актуальным, приобретаемая (в данном случае лингвистические) параметры изучения. Среди собственно философских исследований, восстанавливающих в правах классическую духовную проблематику, можно назвать работы таких авторов, как В. В. Бибихин, П. П. Гайденок, М. Н. Громов, А. А. Корольков, В. А. Кутырев, С. Г. Семенова, В. П. Фетисов [5, 7, 8, 10, 11, 16, 18].

Наш интерес к феномену сердца обусловлен как раз его классичностью и фундаментальностью, с одной стороны, а с другой — малой востребованностью в современном философском дискурсе. Из современных исследований, посвященных анализу различных аспектов феномена сердца, можно назвать работы таких авторов, как В. Н. Бабина, Н. В. Башкова, Б. В. Марков, В. Н. Назаров, Е. А. Овчинникова, Г. Я. Стрельцова [3, 4, 12, 13, 14, 16].

На основании наших исследований мы можем утверждать, что феномен сердца — центральный по значимости и частотности употребления в философской (преимущественно антропологической) литературе с момента осознания уникальности человека в духовном самосознании культуры. Благодаря своей антропологической уникальности он глубоко интегрирован в систему наук о человеке (философию, теологию, медицину, биоэтику), в которых он оформился в качестве наиболее значимого понятия и концепта.

Однако широкая философско-богословская семантика концепта сердца делает его употребление в различных мировоззренческих и идеологи-

ческих контекстах весьма неоднозначным, что затрудняет философское исследование различных феноменов духовной культуры, претендующих на целостность и очевидность. Например, трактовки сердца (и, соответственно, человека), принятые в новоевропейской просвещенческой традиции весьма отличаются от понимания феномена, принятого в святоотеческой традиции. При этом в языковом плане употребляется один и тот же концепт с одинаковой смысловой и эмоциональной насыщенностью. К тому же современный биоэтический дискурс все чаще апеллирует к различным трактовкам феномена сердца (в связи с усилившимся интересом к вопросу о критериях «смерти мозга»), в которых явно перемежаются и материалистические и религиозные трактовки [15].

В данной ситуации, на наш взгляд, наиболее продуктивным является этический анализ феномена сердца, предлагающий универсальную методологию, способную преодолеть разрозненность знаний о человеке, имеющую место в частных науках, культурных традициях и религиозных учениях. «Этика сердца» вырабатывает универсальный язык, сродный всем гуманитарным наукам, и дает здоровое междисциплинарное понимание целостности человека, структурно выраженной в едином телесно-духовном центре сердца.

Феномен сердца придает дополнительное эмоционально-практическое звучание традиционным этическим категориям и утверждается в качестве специфического нравственного понятия. Это прослеживается и в этимологии слова «сердце»: во всех индоевропейских языках «Kērd», «kard» (kardi-) «karde» отмечает понятия середины, центра, внутренней потаенной части чего-либо. «Кардия» во многих индоевропейских языках — не только сердце, но и «душа», «настроение», «благоразумие», «дух», «ум». Праславянское «*serda» — «середина» родственно восточнославянским «сердцевина», «šerdě» — «средоточие», «центр». Славянские языки сохранили древнее корневое имя в образованиях «сердобольный», «милосердный», что свидетельствует о давнем аксиологическом значении сердца.

В дальнейшем лексико-семантическое поле лексемы «сердце» расширяется словесными единицами, вносящими дополнительные коннотации: «сердитый», «в сердцах», «сердить». Эти смысловые корреляты усложняют понимание сердца: сердце представляется не только вместилищем блага, добра, воли, но и гнева, зла, раздора. Этимология дает представление о полисемантике фено-

мена сердца, в котором соединяются полярные смыслы духовной жизни человека. Сердце в качестве языкового медиатора свидетельствует о единстве духовных проявлений человека. Формирование концепта «сердце» идет по пути усложнения семантики и создания новых смысловых оттенков, относящихся к парадигме психологической жизни индивида, причем с неизменным доминированием ценностного аспекта. Мифопоэтическое сознание, по замечанию А. Потебни, находится в поисках сходства между миром телесным и миром духовным. Такое единство народное мышление и находит в концепте «сердце», обеспечивающем сакральную связь слова с сущностью предмета. Символика сердца в славянском фольклоре предполагает нравственный контекст основополагающим, создающим ментальную основу культуры.

Из существующих этико-философских традиций, в которых сердце занимает одну из главных метафизических позиций, выделяется русская философия. Об этом свидетельствуют многие авторитетные исследователи русской мысли, среди которых Н. О. Лосский, Н. О. Зеньковский, С. А. Левицкий и др. В качестве примера приведем точку зрения современного автора В. П. Фетисова, достаточно полно раскрывающую данную позицию. В статье с характерным названием «О философичности русского человека и сердечности русской философии» В. П. Фетисов определяет глубинное свойство отечественной философии — особую сердечность через целый ряд качеств, таких как объединение временного и вечного, рационального и сверхрационального, относительного и абсолютного, разума и интуиции, что весьма продуктивно для философии, так как способствует преодолению узости научного и религиозного знания [18].

Выделим наиболее важные концептуальные построения в русской философии, центрированные этическими смыслами концепта сердце, на основании которых можно будет говорить об этике сердца как о типологической черте русской философской традиции. Отечественный философ П. Е. Астафьев (1827—1893) обосновал возможность национальной русской философии как философии сердца. Философия, по представлению Астафьева, есть самосознание духа, причем самосознание национального духа. Задачей русского философского мышления является ценностное активное нравственное самопознание. Принцип такого самосознания, заложенный «в сердце целого народа», реализован в философии «внутреннего опыта»,

призванной «выполнить синтез ума, чувства и воли, истины, красоты и блага, т.е. истинный идеал философии с точки зрения *этической*» [2, 95]. Кроме того, основная идея отечественной философии — идея живого знания, осуществляемого только в полноте внутренней жизни, требует, по мнению Астафьева, концептуального оформления в феноменах сознания, способных выразить внерациональные, нравственные начала мышления, каковым и является феномен сердца.

Основной задачей философии, в соответствии с византийскими и святоотеческими традициями, признается исследование внутреннего мира человека в его сокровенной глубине. Причина и цель познания находятся «внутри нас» — в духовно-нравственном центре человека. Собственно, Астафьев включает в систему национальной философии все аспекты феномена сердца, признавая ее философией сердца.

Такой вывод далеко не случаен. Если мы посмотрим на русскую философскую мысль XIX—XX вв. ретроспективно, то мы увидим подтверждение основным интуициям Астафьева. Действительно, философия славянофилов — философия, максимально полно использующая основополагающие значения лексемы «сердце», существующие в библейском тексте. На основании этого «живое», «сердечное», «цельное» знание противопоставляется раздвоенному, одностороннему, «мертвенному» знанию Запада.

В философской системе П. Д. Юркевича представлена целостная философия сердца, имеющая практическое психолого-педагогическое значение. Эти построения стали основополагающими для будущих аутентичных конструкций отечественного любомудрия. Юркевичу удалось обосновать идею первичности нравственности для любых онтологических и гносеологических размышлений.

Гносеология, онтология и логика С. Л. Франка непосредственно уходят в апофатическую стихию непостижимого. Для выявления основных интенций философии как таковой нужен сверхрациональный импульс, который имеет место в философии сердца. Сердце, выходя за пределы чувственного мира, рационального понимания истины и добра, и есть подлинное глубокое выражение человеческой личности. В этом заключен глубокий этический смысл сердца.

Особое место в этическом дискурсе сердца принадлежит Б. П. Вышеславцеву. Соединяя различные мистико-религиозные и философско-психологические учения, в которых фигурирует серд-

це, философ строит свою собственную этику — этику благодати, основанную на любви и вере, центрированных в сердце.

И. А. Ильин распространяет свои этико-философские размышления на современную ему «бессердечную культуру». Особого внимания заслуживает его работа о значении «сердечного познания» в медицине. Тема врачевания занимает неслучайное место и получает оригинальную трактовку в контексте всей духовной философии мыслителя. Разрабатывая теоретические и практические вопросы и методику сердечного знания, Ильин дает творческое развитие учения о живознании, проецируя его на реалии современной ему культуры с ее забвением этических абсолютов.

Таким образом, создается вполне определенный свод этических теорий, основанных на раскрытии духовно-нравственных смыслов категории сердца. Инвариантное ядро семантики сердца стремится к максимальной этизации и минимальной мифологизации. Феномен сердца в отечественной философской культуре середины девятнадцатого и начала двадцатого века выступает как категория онтологии, аксиологии и гносеологии, скрепляющая их в неразрывное единство.

В работе «Основы христианской философии» В. В. Зеньковский, как бы подытожив развитие гносеологии сердца Киреевским, Хомяковым, Достоевским, Юркевичем, Тареевым, связал возможности феномена сердца к объединению теоретического и морального знания с перспективами нового динамического понимания познания. Феномен сердца расширяет и углубляет познавательные силы человека, обнаруживая надындивидуальный потенциал разума, выходящего к «первичному сознанию», не разделенному еще на субъект и объект.

Различные сущностные аспекты феномена сердца, как отмечает современный исследователь В. Н. Назаров, существуют в качестве основы этических систем у многих авторов: в софийной этике Е. Н. Трубецкого, этике всеединого добра Л. П. Карсавина, сердечно-мистической форме христианской этики у М. М. Тареева, этике космизма К. Э. Циолковского, этике творчества Н. А. Бердяева, богочеловеческой этике С. Н. Булгакова, в этике веры А. Ф. Лосева [319].

Таким образом, феномен сердца, изначально являясь метафорической языковой единицей с широкими семантическими возможностями, в условиях становления национальной мысли вырастает в уникальный мыслительный метафеномен, становится точкой схождения проблем формирую-

щейся философии, обеспечивающей целостность системы. В нем сосредоточивается весь комплекс вопросов русской философии. Семантический спектр термина «сердце» предполагает прежде всего стремление к цельному, «живому» знанию.

Глубинное метафорическое ядро сохраняется в феномене сердца как моделирующая идея, осуществляющая связь между субъективным и объективным, эмоцией и познанием. Статус феномена сердца позволяет соединить в едином проекте возможности этического, эстетического, научного, интуитивного знания в их единстве и непротиворечивости.

Это нашло свое дальнейшее развитие, в частности, в известной работе В. Ф. Войно-Ясенецкого «Дух, душа и тело», в которой, пожалуй, впервые на современном уровне произошло соединение проблематики естествознания, медицины, православной антропологии и философии в феномене сердца. Рассмотрев метафорическое значение сердца в народной философии, автор отмечает его ведущую роль в образно-художественном мышлении, но универсальность этого феномена подтверждена и в физиологии. Ссылаясь на И. П. Павлова, Войно-Ясенецкий объясняет, что центральность сердца в организме человека отнюдь не метафора, «только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания. Таким образом, сердце и осталось для нас органом чувств, тонко указывающим наше субъективное состояние и всегда его изобличающим» [6, 25].

Опережая современные открытия, он говорит об особенностях иннервации сердца, связи с головным мозгом, симпатической и вегетативной нервной системой. В. Ф. Войно-Ясенецкий, признавая малоизученность этих функций, называет сердце «важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения». Тем самым были заложены основы православной биоэтики, организованной вокруг междисциплинарного исследования феномена сердца.

Итак, можно подвести некоторые итоги вышесказанному. Реконструкция этико-философских параметров феномена сердца позволяет говорить о русской философской культуре как о целостной этической системе, в которой категория сердца имеет первостепенное значение. Вобрав в себя мировой духовно-культурный (в том числе и мифопоэтический опыт) предшествующих традиций, инвариантное ядро базовых значений категории сердца сформировалось в России на основе духовных ценностей христианской этики. Этот опыт

может быть использован современной культурой, в частности науки о человеке могут расширить свои творческие горизонты, используя категориальные наработки отечественной философии, связанные с постижением феномена сердца.

Прогностический анализ современной духовной ситуации в культуре позволяет утверждать, что отечественная этика и философия сердца, благодаря своей созидательно-практической направленности, обладают потенциалом для решения проблем глобального антропного и аксиологического кризиса. Актуальность феномена сердца вызвана потребностью в новой понятийной системе, способной объединить взаимозависимость ментальных и физических, психических и физиологических, социальных и биологических явлений. Необходимость построения такой («третьей») терминологической структуры, соединяющей, синтезирующей ментальное и физическое (духовное и телесное), осознается и в пространстве естественно-научного (медицинского, биоэтического) мышления.

Идеи этики сердца могут и должны быть особенно востребованы в линии естественнонаучной этики и вариантах профессиональной этики. Так, нормы и правила прикладной этики, прежде всего, должны быть глубоко нравственными. Феномен сердца развил в довольно строгую структуру «порядок сердца», «этику сердца», «логику сердца», проблему сердечного знания и может быть востребован при оформлении отечественного варианта биомедицинской этики.

Феномен сердца в контексте обширной культурной традиции проявляет статус метафеномена, соединяющего возможности различных типов знания: этического, эстетического, научного, мистического, обыденного. На основе подобных метафеноменов представляется возможным интегрирование знаний о человеке и мире, что является весьма насущной задачей для современной философии и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. — М. : Индрик, 2004. — С. 5—30.
2. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) / П.Е. Астафьев // Вопросы философии. — 1996. — № 12. — С. 84—102.
3. Бабина В.Н. «Метафизика сердца» в русской философии второй половины XIX века: П.Д. Юркевич:

автореферат дис. канд. филос. наук : 09.00.03 / В.Н. Бабина ; Пенз. гос. ун-т; — 2005 .— 26 с.

4. *Башкова Н.В.* Преображение человека в философии русского космизма / Н.В. Башкова. — М. : URSS : КомКнига, 2007. — 219 с.

5. *Бибихин В.В.* Новый ренессанс / В.В. Бибихин. — М. : Прогресс-Традиция, 1998.— 493 с.

6. *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Дух, душа и тело / В. Ф. Войно-Ясенецкий. — Изд-во ЗАО «Тираж-51», 2002. — 136 с.

7. *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П.П.Гайденко. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 468 с.

8. *Громов М.Н.* Идея преобразования в истории русской философии и культуры / М.Н. Громов // Русская философия о преобразении человека и мира: матер. межвуз. науч. конф. — ВГЛТА, Воронеж, 2007. — С. 23—28.

9. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии / В.В. Зеньковский. — М. : Канон, 1997. — 560 с.

10. *Корольков А.А.* Русская духовная философия / А.А. Корольков. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1998. — 576 с.

11. *Кутырев В.А.* Философия постмодернизма / В.А.Кутырев. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. — 95 с.

12. *Марков Б.В.* Разум и сердце. История и теория менталитета / Б.В. Марков. — СПб., 1993.— 231 с.

13. *Назаров В.Н.* История русской этики / В.Н. Назаров. — М. : Гардарики, 2006. — 319 с.

14. *Овчинникова Е.А.* Русская этика в поисках целостности личности / А.А. Овчинникова // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. Серия «Мыслители», выпуск 5. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001.— С.145—149.

15. *Роганов С.В.* Критерий «смерть мозга» и трансформация понятия смерти в современной культуре: автореф. диссерт. на соискание уч. ст. к.ф.н./ С.В. Роганов. — М. : 2007. — 24 с.

16. *Семенова С.Г.* Метафизика русской литературы / С.Г. Семенова. — М. : ПоРог, 2004 — 511 с.

17. *Стрельцова Г.Я.* Паскаль и европейская культура / Г.Я. Стрельцова.— М. : Республика, 1994.— 495 с.

18. *Фетисов В.П.* О философичности русского человека и сердечности русской философии (рукопись) / В.П. Фетисов. — Воронеж, 2008.